

Василий Трофимович Нарезный

Славенские вечера

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
В19

Василий Трофимович Нарезный
В19 Славенские вечера / Василий Трофимович Нарезный – М.: Книга по Требо-
ванию, 2012. – 68 с.

ISBN 978-5-4241-3354-1

Василий Трофимович Нарезный (1780—1825), автор острых, разоблачи-
тельных нравственно-сатирических романов, продолжал традиции русских
просветителей XVIII века, писателей сатирического направления Новикова,
Фонвизина, Радищева, одновременно он был основателем той художественной
школы, которая получила свое высшее развитие в творчестве великого русско-
го писателя Н.В.Гоголя.

ISBN 978-5-4241-3354-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Нарежный В Т
Славенские вечера

В. Т. НАРЕЖНЫЙ
СЛАВЕНСКИЕ ВЕЧЕРА

Русский писатель Василий Трофимович Нарезный (1780 - 1825) продолжал традиции русских просветителей XVIII века, писателей сатирического направления Новикова, Фонвизина, Радищева, одновременно он был основателем той художественной школы, которая получила свое высшее развитие в творчестве великого русского писателя Н. В. Гоголя. В. Т. Нарезный - автор острых, разоблачит-пных нравственносатирических романов "Российский Жилбаз. или Похожчения князя Гаврилы Симоновича Чистякова" (1814), "Бурсак" (18:24). "Два Ивана, пли Страсть к тяжбам" (1825)

Книгу составляют произведения писателя. характерпзуюпле этапы развития его художественного мастерства ранние предромантпческпе "Славенские вечера" (цикл новелл из истории Древней Руси), более зрелые сентиментальные "Новые понести", а также последний антпкредосгнический роман писателя "Гаркуша, малороссийский разбойник".

СОДЕРЖАНИЕ

Вечер I. Кий и Дулеб

Вечер II. Славен

Вечер III. Рогдаи

Вечер IV. Велесил

Вечер V. Громобой

Вечер VI

Вечер VII. Ирена

Вечер VIII. Мирослав

Вечер IX. Михаил

Вечер X. Любослав

Вечер XI

Вечер XII

Вечер XIII. Игорь

На величественных берегах моря Варяжского, там, где вечно юные сосны смотрятся в струи Невы кроткие, в отдалении от пышного града Петрова и вечного грохота, по стогнам его звучащего, при склонении солнца багряного с неба светлого в волны румяные, часто люблю я наслаждаться красотой земли и неба великолепием, склонясь под тень деревьев высоких и обращая в мыслях времена протекшие.

Там иногда сонм друзей моих и прелестных дев земли Русской окружает меня. Кроткое пение их разливается по берегу и, журча вдали среди кустов зеленых, теряется в пространстве воздуха.

Иногда берут они звонкие орудия и светлыми звуками их прославляют величие добродетели и верных друзей ее.

Потом - гласы их смягчаются, звоны орудий едва приметны. Они поют любовь невинную и ее приятности.

В кротком упоении души я вещал им:

"Видел я страны чуждые и красоты земель отдаленных; видел весну цветнее, видел лето блистательнее, видел осень обильнее благословениями полей и вертоградов, нежли в стране нашей; но нигде не видал я старцев почтеннее, мужей величественнее, юношей любезнее и дев прекраснее, как в земле Славеновой".

"Воспой нам, - вещали они мне, - -воспой нам песни о доблестях витязей и прелестях дев земли Русской во времена давно протекшие!"

"Исполню желания ваши, - отвечивал я. - При закате солнца летнего в воды тихие приходите сюда внимать моему пению. Поведаю вам о подвигах ратных предков наших и любезности дев земли Славеновой".

Вечер I

КИЙ И ДУЛЕБ

Гордо возвышались на берегах Днепровских грозные стены пышного города Киева Князь [Кий есть основатель города своего имени]. Юный вождь юного еще народа с удовольствием Духа Белого [Гений древних полян. (Примечания Нарезного.)] взирал на возрастающую славу своих тысячей. Народы иноплеменные, дикие и грозные толпы, скитавшиеся среди гор Днепровских, познали благо общежития и покорили умы свои Кию, мудрому князю Полянскому. Он дал им мир и суд, - и сердце его веселилось их счастьем. Один Дулеб, бурный вождь и князь свирепых племен, носивших имя его, не познал силы его оружия, не вкусил сладости в повиновении владыке мудрому.

Покрытый кожей сраженного им медведя, окруженный тысячами диких своих послушников, лютый Дулеб неоднократно нападал на селитьбы народа Киева, предавал все мечу и пламени, и свирепая душа его веселилась и кроважидные уста его осклаблялись при виде трупов, омытых кровию. Быстро потом укрывался он в вертепах гор своих и в шумной радости торжествовал бесчеловечную лютость свою. Он упивался кровью пленных, и дикий, неистовый вопль радости его народа мешался с ревом зверей пустынных, отдаваясь с шумом в дубравах отдаленных.

Но, к великому удивлению князя и народа Полянского, когда уже три крата нарождался и умирал месяц на небе полночном, Дулеб пребывал покоен в недрах пещер своих.

"Благодарение Световиду, - вещал Кий к своим старейшинам: - Дулеб познал преступность своих деяний и покорился внушениям Духа Белого".

Среди града, на возвышенном холме, воздвигнут был храм Перуну, державному обладателю грома и молнии.

У подножия храма сего, окруженный старейшинами и оруженосцами, сопровождаемый вождями племен чуждых, покорившихся законам Киевским, с появлением дня каждого, приносил князь жертвы - богу невидимому, но великому, и потом давал суд своему народу. Вдохновенный божеством, сопresentственным месту тому, Кий поучал народы свои познавать богов и чтить их веления. Он открывал им тайнства, как земля, изрытая плугом, принимая в себя семена сельные, отдает их с лихвой своему попечителю. Он научил их, как крепкие сосны, падшие под острием секиры, быв соединены вервием, носятся по волнам днепровским и служат человеку способом сообщаться со странами, отделенными от него волнами глубокими. Он говорил - и тысячи мнили видеть в лице его юное некое божество, мудрое и благодетельное.

В единый день, когда Кий совершал по обыкновению великое дело владычествования, являются к нему два воина иноплеменные. Поляне толпились за ними, и воины Киевы провожали их к своему обладателю. Звериные кожи покрывали рамена пришельцев сих, отягченных луками и колчанами стрел смертоносных. Они опирались на огромные булавы дубовые, усеянные шипами железными.

"Повелитель племени Полянского! - сказал старейший из них, приближаясь к Кию: - Владыке моему, могущему Дулебу, страшному врагам своим и высокоценному друзьям, наскучили брани кровавые, и мышца его дарует покой тебе и твоему племени. Для сего хочет он заключить с тобой союз братства и утвердить его на времена грядущие.

Отдай ему в жены Лебеду прекрасную, сестру твою".

Кий пребыл в молчании. Взоры старейшин и воинства устремлены были на вождя своего.

Кий вещал:

"Да изыдет Дулеб из вертепов своих на поля днепровские и поселится с народом своим на земле нашей; да преклонит колена пред изображениями богов наших и покорится законам Киевым; тогда вручу ему Лебеду, сестру мою, и обниму в нем брата дружелюбного".

"Дулеб никогда сего не сделает", - отвечал посол его.

"Не отдам прекрасной сестры своей на жертву зверю лютому".

Дулебянин берет из колчана своего стрелу острую, преломляет ее наполю и один конец подает князю Кию. Стремительно принимает Кий знак брани кровавой, и полки его восшумели; загремели доспехи бранные, и звучный глас щитов, копыями ударяемых, разлился по стогнам града.

"Война свирепому Дулебу, обладателю вертепов мрачных; кровавая война лютому рушителю тишины благословенной!" - вещал Кий.

И воины иноплеменные с мрачною душою, со свирепыми взорами тихими шагами направили обратный путь свой.

День прошел в приготовлениях к битве.

Как скоро шумящий Днепр увенчался последними багряными лучами закатающегося великого светила небесного, Кий с сподвижниками своими выступил из града, дабы в темноте ночной, при свете месяца среброцветного, пройти пространство земли своей и воспретить гордому Дулебу внести опустошение в его пределы.

Едва Зимцерла [Аврора древних славен. (Примеч. Нарезного.)] златоблестящая, вечно юная, прелестная невеста Световидова, отверзла врата неба величественному жениху своему, едва начали померкать звезды небесные пред алыми ее ланитами, Кий и воинство его узрели мрачного Дулеба, выходящего из лесов своих с тысячами.

Грозно, подобно буре, казалось чело его, когда узрел он, что уже подняты мечи на его поражение, направлены щиты для отражения мощного падения булавы его. Он идет, и вождь Полянский выступил вперед; сонмы его за ним следовали - до тех пор, как глас каждого мог слышим быть врагом его и как пушенное копьё могло вонзиться в груди неприязненной.

Они остановились.

"Владыка племени Полянского и обладатель берегов Днепровских! - сказал Дулеб гласом, подобным реву горных ветров, стенанию волн во время бури. Известна тебе крепость мышцы моей; подвиги мои не уклонились слуха твоего. Многие из сильных и могущих пали под ударом булавы сей, и путник не находит места, где тлеют разгромленные кости их. Велики и почтенны мои приятели. Гордые цари града Константинова трепещут имени Дулебова, - и бесчисленная рать их не дерзает остановить на себе гневного взора моего. Избирай теперь:

друга ли вижу в тебе или врага-противника?"

"Не ищу, - рек величественно Кий, - не ищу себе друга сильного; ищу друга мудрого. Покорись условиям, объявленным мною послу твоему, - и Кий познает в Дулебе брата своего".

"Никогда!" - возгласил Дулеб.

И ратники его подняли булавы на рамена свои; оба воинства двинулись, и се.

От среды рядов Киевских отделяется и становится по среде обоих воинств старец, вооруженный доспехами. Белая брада его развевалась по груди, покрытой железными листами. Льняная мантия струилась на раменах его, подобно легкому туману, когда он, при восшествии царя светил небесных, колеблясь по вершинам дубов древних, спускается на траву злачную и обещает красной день трудолюбивому землепашцу. В деснице его сияла арфа работы иноземной; он шел, опираясь на копие, и взор его, устремленный к небу, был тих и величествен.

Воинства, как бы движимые внушением воли Невидимого, остановились. Взор и поступь мужа великого приковали булавы к раменам полчищ Дулебовых.

Старец налагает персты свои на золотые струны, - раздался звон, стройный и сильный, кроткий в величестве своем. Он произносит слова, сопровождая их звуками приличными.

"Хвала и честь мужам мудрости! Гибель и поношение сынам гордости и неразумия!

Куда стремитесь вы, обитатели гор и вертепов? Чего ищете вы, бурные дети страстей своих?

Веселие питает душу земного странника; но веселие кроволитием не обретается! Радость свойственна душам нашим; но радость не обитает в долинах, усталых трупами. Необходимо для духа великого - искать блага; но кто обретет его в насилии?

Куда же стремитесь вы, обитатели гор и вертепов? Чего ищете вы, бурные дети страстей своих?"

Дулебяне опустили на землю булавы свои и, опершись на них, в изумлении внимали словам старца.

"Что есть настоящая радость ваша?"

Она есть веселый вопль зверя пустынного, терзающего в когтях своих добычу робкую! Но радость таковая не есть удел человечества!

Что есть слава ваша?"

Слава Духа Черного, утешающегося бедствием и преступлением человек! Но не таковая слава определена благороднейшему из созданий.

Что есть вся жизнь ваша?"

Она есть мрак дубравной пещеры, в которой веют ветры бурные, раздастся стон, - и дикие звери с ужасом уклоняются. Но таковая ли жизнь назначена наперснику небес?

Так судили боги, благие обладатели всей земли: боги полян и дулебян боги стран отдаленнейших!

Вы возвращаетесь с полей битвы пораженные. И пустынные супруги ваши не прольют слезы сожаления! Вы не дали им познать радостей жизни и прелестей свободы!

Вы возвращаетесь победителями. И робкие подруги жизни вашей, и юные плоды любви вашей не встречают вас улыбкою! Они привыкли взирать на вас, победителей, как на буйных властелинов, прихотливых рабов гордости и жестокостей!

Что же вся жизнь ваша, когда солнце радости не озлащает дней ваших; когда месяц, протекая noctное небо ваше, изливает лучи свои на страну хладного уныния?"

Тишина душевная разлилась в свирепых взорах дулебян; мрак и зверство улетели мгновенно с ланит их. Легкий, кроткий гул разлился в воинстве.

Старец вещал:

"Обратитесь же, сыны мрака и горести, на путь жизни истинной; и вы будете мгновенно друзья и братья племени Полянскому, вы учинитесь дети света и веселия. Улыбка воссияет на лицах ваших, и в дому вашем водворится цель жизни вашей, награда величия, утешение во дни мрака душевного, отрада во всякое время, водворится любовь со всеми своими прелестями".

Старец умолк; но звуки арфы его долго струились еще в воздухе и нежили слухи полчищ дулебовых, подобно кроткому, сладкому дыханию ветерка, который, принеся к нам запах розы, пролетел мимо. Мы все еще чувствуем сладость ее благоухания и прохладу от легких крыл юного сына весны цветущей.

Длилось безмолвие в рядах дулебовых. Мало-помалу прояснились взоры его ратников. Наконец некий восторг одел их светом радости и сердечного упоения. Восшумели полки ратные - подвинулись, и вопль их загремел в пространствах долины:

"Хвала и честь Кию, мудрому обладателю племени Полянского! Мы хотим поклониться ему - и познать счастье жизни".

"Вы познаете его", - вещал Кий - и обнял старейшин.

Полчища смешались, - и оба воинства заключили друг друга в братские объятия.

Вдали стоял Дулеб на холме возвышенном. Поражающие взоры его обращались на отпадение своих воинов. Трикраты поднимал он булаву свою, дабы одному вторгнуться в ряды и поразить вероломных, и трикраты опускались мышцы его. Гордость и злоба волновали грудь широкою.

Наконец - раздался грозный глас отчаяния:

"Не хочу быть рабом твоим, коварный честолюбец! Не хочу унизиться пред обольстителем народа!"

Стремительно берет он с рамен своих колчан великий, вынимает стрелу крепчайшую и вонзает ее в грудь свою.

Раздался звон, и кровь черная пролилась на землю. Кий и старейшины устремились к отчаянному, но уже взор Дулебов закрылся, и бесчувственный витязь лежал на песке сыпучем. Вдали носилась хищная птица, готовая терзать бездушные остатки мужа сильного.

"Незабвенна да будет память твоя в родах отдаленных! - вещал Кий. Свирепа была душа твоя, но ты был храбр во дни битв кровавых. Имена храбрых да будут священны для потомков!"

По его велению возвысился мгновенно курган высокий над телом Дулебовым - там, где кедры и сосны осеняют его подножие.

Часто, в бурную ночь, когда ветры потрясали в корне дерева сии вечнозеленые,

когда молнии, рассекая небо и громы рыкая на вершинах гор, приводили в трепет неустрашимых странников, когда месяц, едва мерцая сквозь тучи свинцовые бледно посребрял крылья их быстротекущие, - часто ловцы зверей и странные витязи видели, как дух Дулебов в виде столба огненного, грозно носился над местами праха своего, опершись на облака громовые.

Вечер II

СЛАВЕН

Мрачна душа моя, подобно дню осеннему; мысли мои рассеяны, как легкие струи тумана, ветром развеваемого; хладны чувства мои, как снега, покрывающие берега озера Ильменя, когда белая зима оденет их мразною ризой. Много великих и сильных склонили там главы свои, но где имена их? Процветали грады и веси многолюдные! но где места их существования? Увы! Се ли награда доблести? Се ли утешение в трудах, коими приобретается слава мира сего? - приобретается имя Великого?

Двадцать шестую весну жизни моей встречаю я на каменистом берегу сем, в который ударяются свирепеющие волны моря Варяжского. Дико воет ветер в ущелья кремилстые, - и душа моя не находит мира и радости в обновляющейся природе. С тех пор, как впервые взглянул я на страну подлунную и первый вопль мой ознаменовал участь жизни, до сих минут, сколько пало царей с их престолами!

Сколько областей вольных преклонили главы свои под цепями буйства и насилия! Сколько мужей славных и великих сокрыты в могилах или осуждены не видать страны отеческой, не дышать воздухом привычным, не зреть солнца над гробами отцов своих! Участь, ужаснейшая смерти!

Обновлю же в мысли моей воспоминания дел отдаленнейших, ратных и великих подвигов предков наших. Заглушу в душе моей именами их имена гордых властелинов сего времени, забывших права правды и человечества.

Приблизьтесь ко мне, юные дочери племени славенского, вы, коим за доблести предков - благое небо красоту и любезность сделало общим наследием. Раздадутся громкие звуки арфы моей, потрясут воздух и превысят звоном свисты ветров, играющих с вершинами дубов и кедров. Приблизьтесь! Я знаю, сколь приятно красоте внимать звучному пению о подвигах ратных.

"Возвратился ты с победой на поля наши! Пали многочисленные враги твои, как стада вранов хищных от рьяного удара орла небесного. Не придут более гордые варяги нарушить спокойствие твоего народа. Надменный владыка их, Радмир, лежит окован цепями плена у ног победителя".

Так пели в восторге радости граждане благодарные, исходя во сретение князю Славену, текущему с победой над варягами. Они смешались с его ратниками, познали в них друзей и кровных, и гласы победоносные пресекали гласы радостные; - и Славен, подобно кедру высокому, коего вершина опалена уже пламенем молнии и лета пожелтели изумрудные ветви, - и Славен, покрытый сединою и ранами дней мужеских, - опершись на дебелое копие свое, - обратив к народу взор веселия, ослабив уста старческие улыбкою мира, повелел быть пиршеству великому под открытым небом, ибо чертоги владыки доброго не вместят в себе детей его - народа, ему подвластного.

Запылали дубы вокруг берегов озера Ильменя; свирепые валы реки Мутной [Так назывался в старину Волхов. (Примеч. Нарезного.)] озлатились от огней

пиршествеинных. Воссел Славен и старейшины его. У мог их лежал скованный Радмир, князь берегов варяжских и ужас соседей; вместе с ним вожди его. Юные сподвижники Славеновы, опершись на копья и луки, стояли вокруг в молчании и внимали жадно словам Славена и его советников, ибо в часы битвы кровавой и пиршества дружеского он не изменялся; мудрость вещала устами его.

Вошел месяц на небо лазуревое и осветил пурпур веселия на ланитах старческих Славена и друзей его.

"Хошу, - вещал князь, - хошу - да старейший из вас поведает в песнях мои подвиги. Не лести ищет старец, во бранях поседевший, но боги и мое сердце вещают мне: я был добр и любил славу моего народа. Да научится же Волхв, сын и наследник мой, что есть благо владетеля и слава народа, - и Радмир, дерзнувший нарушить тишину в стране нашей, да познает, что один стыд и унижение бывают наградой надменному, который дерзнет грозить владыке, любезному своим подданным, грозить князю Российскому".

Вещал,

И мудрый Добромьсл восстает в веселии. Он берет серебряный щит, ударяет з него трикраты копьем стальным, - молчание разлилось в долине, звуки песни его расслались по берегу и валам реки Мутной:

"Далеко отсель к востоку солнечному, за кремнистыми подошвами Кавказа-исполина, обитал народ от племени скифского, народ сильный крепостню мышц своих и дружелюбием, господствовавшим в недрах его отчизны между монархом и народом, народом и жрецами.

Долго длилось благоденствие в долинах наших, и древнейшие старцы вещали нам, юным., что шесть колен уже сокрыты в могилах, как оружие скифов было в покое: ибо ужас оногo останавлил всякую дерзость. Но он не мог остановить надменного лобочестия и корысти. Гордые властелины мира, потомки братоубийцы Ромула, всосавшие в себя кровожадность с молоком матерним, возжелали и нас свергнуть в пучину бедствия, их обуревавшего. Они вторглись в пределы наши с мечом и пламенем, - и в один месяц непрерывной битвы пал повелитель наш, любезный богам и народу; он пал и с ним два старшие сына его, и с ними вместе народ скифский.

Хищники ушли, оставя нас в ужасе и унынии, и сей ужас и уныние до тех пор владели душами нашими, пока, по прошествии тридцати появлений месяца на небе нашем, явился к нам юный Росс, последняя отрасль злополучного нашего обладателя.

"Собери и утешь рассеянные толпы твоего народа, повелевай нами и соделай счастливыми", - возопили старейшины, и Росс вещал:

"Народа счастье - в руке богов небожителей; воспросим их и помолимся, да научат меня и вас, как достичь счастья, нами утраченного".

Появление Россово украсило цветами надежды сердца наши. Слух о его прибытии разнесся во всех концах его владения, и с восходом светила дневного, на третий день, шатер его окружился тысячами избегших от поражения злодейского. Старцы и младенцы, матери и девы юные ожидали исхода Россова.

Среди леса дремучего, осеняемого кипарисами и соснами, была пространная долина, среди коей возвышался священный холм. Вверху его три огромные дуба, сплетшись своими ветвями, составляли седалище божества, обькшего посещать места сии, склоняясь на моления народа. Сюда притек Росс с своим народом во-

просить богов и узнать судьбу свою. Сонм жрецов востек на холм, и старейший из них вещал, воздевши длани свои:

"Ты, повелевающий небом и землею, ветрами небесными и светилами дня и ночи! Склонись на мольбы наши и удостой место сие Твоим присутствием! Росс хочет вопросить Тебя".

Мрачная туча показалась на небе противу холма священного.

Жрец продолжал:

"Вопли и стоны чгущего Тебя народа, конечно, достигли слуха Твоего. С высоты горней Ты зрел токи крови мужей и слезы жен и матерей их. Росс хочет спасти их; рн хочет вопросить Тебя".

Туча спустилась ниже, - и полет ее устремлялся с быстротою ветра.

Жрец вещал:

"Одни мрачные сыны земли питают гордость и неправосудие. Их только сердца спокойно взирают на поражение жертвы несчастья. Но не такова воля богов. Милость и щедрота есть свойство небожителей. Сойди же к нам, великий Повелитель неба, и объяви волю Твою. Росс хочет вопросить Тебя".

Он рек, и грозная туча разлеглась на холме; раздался звук грома, и струи молнии растлались у подошвы.

"Приблизься, Росс!" - вещал глас с вершины дубов - и Росс с кипением груди и стеснением сердца бодро потек на священный холм - внять слова божества о судьбе своей и своего народа. Он взошел, поверг у корней дубов булаву свою, лук с колчаном, княжескую диадиму, и сам повергся лицом к земле.

Глас вещал:

"Возьми народ твой, жен и детей их и теки в страну иную. Славу твою и благоденствие твоего народа продлю до веков позднейших. Знаменем небесным открою тебе место твоего господствования. Теки по течению звезды северной. Ты обретешь народы дикие и испытаешь сердца оледенелые - укроти и просвети их. Прилежи к обработыванию земли - и научай знанию сему тебе подвластных; се есть верховная воля моя! В священных сновидениях открою тебе таинства сей науки".

Глас умолк. Росс восстает, и народ его. Туча священная уже сокрылась. Дневной свег озарил их паки, - и Росс зрит у подножия священного холма двух белоснежных тельцов, на выях их висел ярем, держащий стальной плуг со всеми орудиями.

Росс устремился в путь свой, и прежде нежели солнце совершило годичное свое кругообращение, достигли мы берегов Ильменя, там, где река Мутная вливает в него волны свои. Тут паки услышали мы глас небесный:

"Остановись, Росс! Се предел пути твоего. Землю сию даю в удел тебе и твоему племени!"

Тут нашли мы народ дикий, живущий без законов. Своенравие управляло делами каждого. Звериная ловля и хищничества продолжали жизнь их.

Долго вели мы брани с сим народом; наконец кротость и мудрость Россова победили их, когда оружия не сильны были учинить того. Мало-помалу они умирялись, преклоняли выи свои под кроткий скипетр Россова и дивились, находя его орудием их счастья. Сперва с изумлением, а после с радостью и веселием взирали они, как мы, раздирая недра земные плугами, ввергали з оные семена; как они возникали, росли, зрели и наконец приносили в воздаяние трудо-